

Виктор Астафьев

Жил на свете Толька

Часть сборника
Печальный детектив (сборник)

Виктор Астафьев
Жил на свете Только

«ЭКСМО»

1952

Астафьев В. П.

Жил на свете Толька / В. П. Астафьев — «Эксмо», 1952

«Жил на свете Толька Пронин. Были у него отец и мачеха, а у мачехи другой парнишка – Сенька. Толька качал его в люльке, а Сенька сучил ногами, тряс побрякушку, пускал пузыри и, улыбаясь Тольке, разговаривал с ним на непонятном языке. Толька грозил ему кулаком и, дергая люльку, шипел...»

© Астафьев В. П., 1952

© Эксмо, 1952

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Виктор Астафьев

Жил на свете Толька

Владимиру Черненко

* * *

Жил на свете Толька Пронин. Были у него отец и мачеха, а у мачехи другой парнишка – Сенька. Толька качал его в люльке, а Сенька сучил ногами, тряс побрякушку, пускал пузыри и, улыбаясь Тольке, разговаривал с ним на непонятном языке. Толька грозил ему кулаком и, дергая люльку, шипел:

– Спи ты! А то как двину! – И, чтобы не услышала мачеха, тут же припевал: – О-о-о, спи, малышка, – и еще тише: – Спи, паразит!

А потом семья распалась. Распалась быстро, но незаметно. Отец Тольки умер в больнице, а мачеха вскоре после его смерти забрала Сеньку и уехала из нового заполярного города. Остался Толька один в заброшенном домишке. Здесь в летнюю пору была парикмахерская. Дощатые стенки этого домишки плохо защищали от северных морозов, но Толька особенно не горевал. В городе четыре лесопильных завода, и отходов с них можно брать сколько угодно. Ему и раньше приходилось каждый день возить на санках дровишки, но безо всякого интереса, а теперь он делал это с удовольствием – не для Сеньки и не для мачехи возит!

Толька зажил в свое удовольствие, наслаждаясь свободой и покоем.

Что могло сравниться с теми минутами, когда, раскалив докрасна печку, он раскладывал на ней кружочки картошки и, не особенно беспокоясь, допеклись они или нет, неторопливо, с чувством уплетал то подгоревшие, то почти сырые пластинки.

За окнами северное сияние выделявало свои фокусы. Оно расстилало по небу такие красивые, похожие на материю полосы, каких Тольке не приходилось видеть даже в магазинах. От сияния скользил по снегу трепетный свет, проникал в избушку и играл на стенах, на печке.

Потом в комнате оставались бледные тени, они медленно ползли, точно искали чего-то. И бледный свет, от которого веяло волшебством, и тишина, которую нарушали лишь голодные мыши, скребущие по углам, заставляли Тольку пугливо настораживаться. Он сидел у печки, боясь шелохнуться. Мыши безбоязненно подбегали к нему и, хлопотливо попискивая, таскали картофельные очистки. Толька подкидывал и подкидывал в печку дрова. Ему было не так страшно, когда в ней плясали веселые огоньки.

У печки сосредоточилась Толькина жизнь. Здесь лежали мешок с картошкой, который, к огорчению мальчишки, заметно легчал, постель из половиков, консервные банки, заменявшие посуду, кучка дров, на которых ступнями кверху Толька пристраивал валенки.

Мачеха уехала тайком и забрала почти все. Многого не хватало в Толькином хозяйстве, но зачем ему какая-то посуда, постель и прочее барахло. У него было главное – независимая жизнь. Тем, кто хоть немного пожил со злой мачехой, понятно, что это значит.

Наевшись, Толька запивал холодной водой печеную картошку и зажигал фонарь, неизвестно каким образом попавший в дом с соседнего конного двора. После этого Толька завертывался в половику и ложился рядом с печкой. При тусклом свете фонаря он читал книгу до того, что глаза смыкались сами собой. Маленький Толькин мир проваливался в темноту. Спал он сколько хотел и делал что вздумается. В школе он держался так, будто для него все трын-трава, и ходил с таким видом, что, мол, хочу – учусь, хочу – нет. Могу спустить девчонке льдинку за воротник, пострелять из резинки, прокукарекать на уроке. Некоторые ребята завидовали Тольке и старались водить с ним компанию.

Не один раз учительница посылала Тольку к директору школы. Директор писал записки на имя Толькиных родителей. Эти записки Толька читал вслух, ехидно посмеивался и в заключение, плюнув на неразборчивую подпись директора, бросал их в печку.

Кое-кто из ребят узнал все-таки, что Толька остался беспризорником. Но он пригрозил «дать жизни» тому, кто расскажет об этом в школе. Характер Толькин ребята знали, оттого и помалкивали.

Все кончилось бы раньше и проще, не будь этой тайны, которую так ревниво оберегал Толька, если бы не запугивания мачехи. Кроме никчемного скарба от мачехи, остался Тольке страх перед детским домом. Мачеха за любой проступок давала Тольке подзатыльники и обещала отправить его в какой-то таинственный приют, где ребят бьют проволоочной плетью, кормят селедкой и не дают воды. Она внушала ему, что приютские воспитатели – форменные звери. День за днем она пугала его грозным приютом и добилась своего: приюта Толька боялся больше всего на свете.

Прошло около месяца, и в Толькину избушку начала заползать нужда. Кончилась картошка, кончился керосин, даже мыши вроде куда-то исчезли. Голод одолевал Тольку. Однажды утром он забыл умыться, а потом вообще махнул рукой на это бесполезное дело. Весь он сжался, чувствуя, что к нему подступает что-то тяжелое. И на уроках теперь он сидел тихо, чем немало удивлял учительницу.

Однажды Толькина рука неожиданно наткнулась в парте на кусок хлеба. Незаметно положив хлеб в карман, мальчик на перемене убежал в раздевалку и съел его. Хлеб стал появляться в парте ежедневно. Толька подумал, что его забывает кто-то из учеников первой смены. Но как-то на перемене заметил, что ребята таинственно перешептываются между собой. И понял все. Гордость и неприязнь к сытым ребяташкам победили голод. Толька бросил хлеб на пол и закричал:

– Я не кусочник!

С трудом сдерживая слезы, он сунул учебники за пояс и убежал из школы.

В этот день Толька украл в магазине с прилавка небольшой довесок хлеба. Сколько мук доставило ему это! Толька протягивал к ржаной на редкость поджаристой горбушке руку и тут же отдергивал ее. Ему казалось, что все в магазине смотрят на него. Наконец он схватил первый попавшийся довесок хлеба и опрометью бросился из магазина. Долго колесил он по улицам и переулкам, прятал кусок то за пазуху, то в карман, но ему казалось, что все равно хлеб заметно.

После пережитых волнений изжевал он кусок без всякого аппетита и решил больше не красть.

Вечером Толька от нечего делать забрел на конный двор. Здесь было удивительно мирно и спокойно. Кони с хрустом жевали сено, пахнущее летом, блаженно фыркали, нюхали через загородку друг друга. Долго стоял Толька, прислушиваясь к лошадиной жизни. Даже дремота его стала разбирать. Он встряхнулся, боязливо погладил одну лошадь и нагрузил из ее кормушки полные карманы овса. Лошадь, как показалось Тольке, укоризненно смотрела на него из сумрака большими темными глазами. Толька снова погладил ее и сказал шепотом:

– Ничего, у тебя ведь много.

Мальчик поджарил овес на печке и принялся его шелушить. Овсом до боли искололо язык, но это все-таки была еда, и Толька решил, что временный выход из положения найден.

Когда не хотелось спать (а натошак спалось плохо), он читал книгу с приключениями, мечтал по-своему: «Скорей бы до весны дожить, до первого парохода! Поеду я далеко-далеко, в жаркие страны. Хоть зимой, хоть летом там теплынь и шамовки завались. Буду я, как Робинзон Крузо или Миклухо-Маклай. Может, остров какой сыщу, небось не все еще открыты: земля-то вон она какая широкая!»

С мечтой жилось легче. Утром Толька бодро пришел в школу, бросил в парту замызганные учебники и с независимым видом принялся за овес.

- Ты чего жуешь? – спросил Вовка, с которым Толька сидел рядом уже вторую зиму.
- Семечки.

Вовка протянул руку под партой и шепнул:

- Сыпани малость.

Толька покраснел, помялся и высыпал ему на ладонь щепоть овса. Вовка попробовал и восхитился:

- Вкусно!

Толька ухмыльнулся и ничего не ответил. В перемену Вовка попросил еще. На этот раз Толька дал ему побольше – коль нравится, жалко, что ли! Вовка выбежал в коридор, а Толька остался за партой. Отцовы валенки совсем развалились и были перевязаны проволокой; штаны и рубаха тоже запачкались и порвались. И шут его знает, где и когда они порвались! Толька попробовал чинить штаны, но стянул нитками рвань, и те места, где были дыры, напоминали рубцы недавно заживших болячек. Показываться на люди в такой одежде было совестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.